

ОКСАНА ПАНЬКОВА,

кандидат социологических наук, научный сотрудник Института экономики промышленности НАН Украины, Донецк

ЕКАТЕРИНА ИВАЩЕНКО,

кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела социально-политических процессов Института социологии НАН Украины

Забастовочное движение в Украине: тенденции и особенности

Abstract

The authors of this article study the characteristics of industrial actions in Ukraine as well as tendencies of their development during 1989–2006. Besides, they analyze real and potential role of strike in social transformations that occur in our state.

В социологическом определении роли социальных конфликтов в трансформации общества, в числе других, снижали популярность два “ортодоксальных” подхода — функциональный и конфликтологический. Первый из них, получивший развитие в рамках стабилизационных концепций (О.Конт, Г.Спенсер, Э.Дюркгейм, Р.Мертон, Т.Парсонс и др.), предполагает, что любые проявления социального конфликта, в том числе различные акции протеста, трактуются как отклонение от нормы, дисфункциональные явления в жизни социума. Вторым подходом, конфликтологическим (К.Маркс, Г.Зиммель, М.Вебер, Р.Дарендорф, Л.Козер, Дж.Рекс, К.Боулдинг, Е.Марш, Т.Гурр, Дж.Фримен и др.), традиционно рассматриваемый как альтернатива функциональному, интерпретирует протестные действия как естественное проявление социальной активности, направленное на изменение общественных отношений. Среди “неортодоксальных” стоит упомянуть подход, согласно которому конфликт является средством укрепления, стабилизации су-

ществующего положения дел [1, с. 77]. Хотя феномен забастовки, одной из радикальных форм противостояния между работающими и работодателями, было бы логично рассматривать в первую очередь сквозь призму развития производственных отношений, очевидная специфика развития забастовочного движения в СССР и постсоветских государствах дает нам достаточные основания для того, чтобы анализировать забастовки в контексте их влияния на трансформацию общественной системы в целом.

В этой статье мы попытаемся проследить тенденции и особенности развития забастовочного движения в Украине в 1989–2006 годах и ответить на вопрос, какова их функциональная роль в происходящих в стране социальных трансформациях. Для этого, во-первых, определим, какова природа общности, лежащей в основе групповой идентификации бастующих (на чем зиждется осознание их интересов — солидарность, которая становится движущей силой конфликта), во-вторых, рассмотрим объективные и субъективные факторы развития забастовочного движения в Украине начиная с 1989 года, в-третьих, постараемся спрогнозировать, каково будущее забастовочного движения — может ли оно не только привести к изменениям в системе трудовых отношений, но и сыграть сколько-нибудь значительную функциональную роль в развитии украинского общества, повторив прецедент резонансных выступлений трудящихся конца 1980-х — первой половины 1990-х годов.

Забастовка как протест низов? Постановка проблемы

В книге “Солидаризация в рабочей среде: социальное и индивидуальное”, одной из наиболее интересных работ, посвященных анализу механизмов солидаризации в реформируемом обществе, В.Ядов приводит цитату Н.Лумана о том, что преуспевающий индивид не испытывает потребности солидаризоваться с другими, — солидарность нужна представителям низших классов, брошенных обществом на произвол судьбы [2, с. 9]. В этой же книге приводятся данные статистического анализа уровней близости ценностных синдромов различных социальных групп, проведенного на материалах опроса Фонда общественного мнения, которые дают подтверждение этому провокационному, на первый взгляд, тезису. Автор исследования В.Горяинов обнаружил, что социальная группа, с которой в рамках ценностных общностей солидаризируется большинство населения, — это рабочие. К ним близко примыкают другие слабо защищенные группы населения (военнослужащие, пенсионеры, колхозники). При этом доминирующей “ценностный синдром включает ценности социального равенства, трудовой этики, ориентации на защиту и выживание в жесткой социальной среде” [2, с. 13], — защитная мотивация здесь выражена гораздо сильнее, чем мотивация достижения. Сходной точки зрения придерживаются и авторы исследования “Забастовки в России”, которые пишут: “забастовка — это всегда протест низов. И не только в случае традиционного индустриального конфликта между работниками и нанимателями. Даже в случае спровоцированных руководителями забастовок это форма протеста против действий “верха” [3, с. 20]. В этой связи мы хотели бы отметить два момента, с нашей точки зрения важные для понимания отечественной специфики феномена групповой идентификации участвующих в коллективном противостоянии для защиты своих прав. Мы полностью согласны с точкой зрения Б.Грушина и В.Ядова,

что в нестабильном обществе — в отсутствие прозрачности формируемого социального пространства — характерной особенностью солидаризации является трудность самоопределения (“другие” нас угнетают, — но не ясно, кто при этом “мы”, — работники одного предприятия, рабочий класс вообще, “простые люди”?). Ухудшение условий жизни на фоне задержки или невыплаты зарплат, сокращение занятости стимулируют солидаризацию против “верхов”, однако и этот образ также четко не очерчен (трудно сказать, кто виноват, — администрация предприятия, начальники вообще, правительству?). Отсутствие ясности относительно того, кто выполняет какие функции и кто несет ответственность за сложившуюся ситуацию, является значительным препятствием для кристаллизации мотивов прямых солидарных действий. На наш взгляд, пример польского движения “Солидарность”, которое выросло из локального профсоюза и постепенно превратилось в мощное антикоммунистическое социальное движение, объединившее рабочих и интеллигенцию, — это наглядная иллюстрация механизма перехода от групповой солидарности как ценностного осознания общности интересов на разных уровнях социального пространства (от “мы — члены бригады” до “мы — народ”) к групповому действию (от коллективного подписания петиции, забастовки и пикетирования до участия в формировании новой политической и идеологической линии государства). Анализ развития забастовочного движения в современной Украине говорит о том, что здесь этот механизм работал совершенно иначе: хотя забастовочное движение и вышло за плоскость производственных отношений и на разных этапах играло немаловажную роль в политической жизни страны, оно не решило поставленных перед ним базовых задач, направленных на улучшение положения тех, кто был использован как основная движущая сила конфликта.

В поисках Солидарности: объективные и субъективные факторы развития забастовочного движения в Украине в 1989–2006 годах

Начало: 1989–1991 годы. Забастовочное движение конца 1980-х годов в Украине началось с забастовок донецких шахтеров: в июне 1989 года в знак солидарности с забастовочными акциями шахтеров Кузбасса начали забастовку шахты трех производственных объединений¹. Вскоре выступле-

¹ Учитывая формат публикации, мы сочли излишним подробный событийный анализ, тем более что детальному рассмотрению хронологии забастовочного движения в Украине посвящены несколько значительных работ отечественных и зарубежных авторов. Большая их часть была написана и опубликована в 1990-е годы, отмеченные повсеместным всплеском исследовательского интереса к забастовкам, всколыхнувшим тогда общество. Среди этих работ как наиболее информативные — с точки зрения понимания тех процессов, о которых идет речь в нашей статье — стоит отметить исследование В.Борисова “Забастовки в угольной промышленности” (полный текст этой книги размещен на сайте <http://www.isito.ru/library/Books/borisov/2.html>), сборники под редакцией Л.Гордона “Рабочее движение: документальные и аналитические материалы” и “Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы” (обе опубликованы в Москве в 1992 году). Из работ, вышедших в последние годы, заслуживает внимания работа В.Михненко “State, Society and Protest under Post-communism: Ukrainian Miners and their Defeat”, вошедшая в сборник “Uncivil Society? Contentious Politics in Post-communist Europe” (L.; N.Y., 2003).

ния приобрели массовый характер: забастовочные акции привели к остановке работы около 70% функционировавших в Украине в тот период угольных шахт.

Среди объективных факторов, приведших к протесту, была усиливающаяся неудовлетворенность работающего населения условиями жизни: дефицит и дороговизна самых необходимых продовольственных и промышленных товаров, низкий уровень заработной платы, недостаточная продолжительность отпусков и др. Постоянно популяризируемый официальной идеологией тезис о нарастании экономического и социального потенциала рабочего класса как основной производительной и социальной силы социалистического общества [2, с. 39] шел вразрез с повсеместными проявлениями уравниловки, плохой организации условий труда, несовершенства социальной инфраструктуры, которые препятствовали позитивным изменениям в субъективном восприятии рабочими своего статуса.

Освещая первые выступления рабочих в 1989 году, советские средства массовой информации часто выдвигали тезис о “социальном эгоизме” шахтеров, которые, будучи одной из самых обеспеченных социальных групп работающих в СССР, требовали для себя, тем не менее, улучшения условий труда. При этом не акцентировалось внимание на том факте, что работа в угольной промышленности отличалась самым высоким уровнем травматизма: по данным статистики, в конце 1980-х на один миллион тонн добытого угля приходилось десять несчастных случаев на производстве, из них четыре приводили к смерти горняков [5, с. 163]. Долгое время бытовало мнение, что относительно более высокий уровень заработной платы в отрасли частично покрывает колоссальные физические издержки работы горняка. Субъективность этого тезиса стала очевидной, когда горняки начали стихийные выступления: конец 1980-х был отмечен первой волной локальных шахтерских забастовок в России, направленных на пересмотр тарифных ставок и увеличение заработной платы и премиальных выплат. По образному выражению участника одной из первых резонансных акций протеста в Кузбассе в 1989, шахтеры осознали, что они — “как негры в рабстве”, когда один рабочий кормит 5–7 управленцев, и при этом к рабочему нет никакого уважения, никто не прислушивается к его требованиям [6, с. 63–64]. Растущее недовольство, разочарование, наконец, отчаяние оказались способны сплотить трудовой коллектив, стать мощной объединяющей силой в борьбе против нерадивой администрации предприятия.

Однако здесь стоит обратить внимание на тот факт, что выдвигаемые бастующими требования в этот период стали выходить за рамки компетенции отдельного предприятия (производственного объединения, отрасли), вскрывая обострившиеся противоречия в сфере государственного управления на территории бывшей УССР и Советского Союза в целом. Участники акций протеста не только не ограничивались высказыванием естественных для любого производственного конфликта социально-трудовых претензий (как правило, кроме повышения уровня заработной платы, бастующие требовали улучшить условия и безопасность труда, отменить дисциплинарный устав, восстановить незаконно уволенных на прежнем месте работы, увеличить продолжительность отпусков, снизить возраст выхода на пенсию), но и выдвигали целый ряд комплексных требований экономического и политического характера. Социологическое исследование, проведенное в тот период донецкими учеными среди бастующих шахтеров, выявило, что, несмотря

на явное преобладание требований экономического характера, социальная справедливость не только в производственных, но и в общественных отношениях определялась участниками протестной акции 1989 года в Донбассе как главная цель их борьбы.

Лозунги демократизации и гласности, активно раскручиваемые в этот период представителями выходящей на арену новой политической элиты, оказали сильнейшее воздействие на массовое сознание, однако перемены к “лучшей жизни”, за которые так активно начали выступать в этот период рабочие, не входили в планы старой номенклатурной элиты, сохраняющей главенствующую роль в администрировании экономической сферы [7, с. 7]. В 1990 году активисты забастовочного движения стали выступать с компетентно сформулированными системными требованиями, направленными на предоставление экономической самостоятельности предприятиям угольной промышленности, реорганизацию государственных шахт, внедрение новых форм собственности, разрешение продажи внеплановой продукции по рыночным ценам в государстве и за границей, повышение цены на уголь, предоставление предприятиям права устанавливать нормы добычи. Заручившись поддержкой широких кругов общественности, в числе которых были представители самых разных организаций — от иностранных профсоюзов до Украинского Народного Руха, радикальные лидеры шахтерских выступлений выдвигали все более революционные требования, предполагающие изменение электорального законодательства, пересмотр законодательной базы с целью предоставления права на проведение митингов и демонстраций протеста, реорганизацию и деполитизацию деятельности КГБ и МВД.

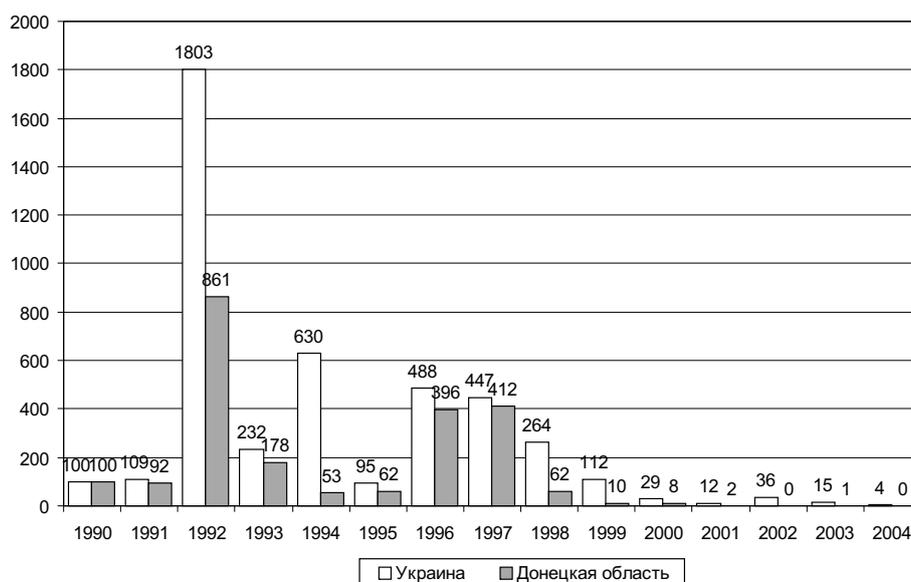
Может вызвать удивление тот факт, что стихийно возникающее недовольство условиями работы на предприятии (в этот период поводом для начала акции могли стать нехватка сигарет или отсутствие полотенец и мыла в бане для поднявшихся на поверхность горняков) постепенно переросло в хорошо организованные многодневные протесты, бросающие вызов режиму. В проведении тактически грамотной и идеологически выверенной массовой акции протеста бастующие проявляли, казалось бы, немалый опыт, — это заслуживающий внимания феномен, учитывая многолетний период полного и категорического запрета забастовок в Советском Союзе¹.

Очевидно, что процесс, в 1991 году поспешно названный западными наблюдателями “капитуляцией КПСС перед ликующими шахтерами” [8, с.93], на самом деле имел более сложную природу. Руководители предприятий старались перенаправить запал стихийных забастовочных выступлений в другое русло: по мнению российского исследователя В.Борисова, забастовки “выплескивались за предел бригады, участка или предприятия только в том случае, когда они могли быть использованы руководством для

¹ Всякое открытое проявление недовольства в СССР рассматривалось как посягательство на существующий строй и безжалостно пресекалось, сами факты возникновения забастовок тщательно замалчивались. Одной из многих трагических страниц советской истории было жестокое подавление забастовок в угледобывающих предприятиях ГУЛАГа в конце 1940-х — начале 1950-х годов, а также забастовки рабочих Новочеркасска в 1962 году. Многие участники акций протеста были расстреляны или отправлены отбывать срок, так или иначе причастные к делу находились под пристальным вниманием КГБ. Подробнее об этом речь идет в уже упоминавшейся работе В. Борисова “Забастовки в угольной промышленности”.

лоббирования своих интересов» [9]. Наверху протест мог быть поддержан — при условии, что дестабилизация ситуации выгодна для перераспределения сфер влияния. В частности, всплеск забастовочной активности 1990 года был умело использован Б.Ельциным в борьбе против М.Горбачева. Несомненно, что забастовки рассматриваемого периода явились мощным катализатором развала старой системы власти в СССР, несмотря на то, что подавляющее большинство бастующих вряд ли отдавали себе в этом отчет.

Пик конфликта: 1992–1994 годы. После развала СССР самые массовые акции протеста в независимой Украине пришлось на период с 1992 по 1994 год (рис. 1), когда экономический спад перерос в системный кризис, затронувший все важнейшие сферы жизни украинского общества. Рост задолженностей по выплатам заработной платы и повышение цен на основные продукты питания обусловили резкое снижение жизненного уровня населения и усилили степень конфликтной напряженности, особенно в промышленно развитых восточных регионах, которые и до этого проявляли усиливающуюся протестную активность.

* До второй половины 1990-х количество бастующих предприятий в Донецкой области было наибольшим среди всех областей Украины. Общее снижение числа забастовок с конца 1990-х наблюдалось также в этой области.

Рис. 1. Количество предприятий и организаций, работники которых принимали участие в забастовках в 1990–2004 годах в Украине и, в частности, в Донецкой области

Характерной особенностью этого периода было то, что в конфликт, формально начинавшийся как стихийный протест против несправедливости в оплате труда и повышения цен, втягивалось все большее число участников на разных уровнях. При содействии местных органов власти создавались стачечные комитеты (“стачкомы”), территориальные забастовочные комитеты (“теркомы”) и межрегиональные координационные центры — как гарант того, что процесс будет управляемым, а диалог — цивилизованным. В этот период переговоры с бастующими велись не только на местном, но и на

высшем правительственном уровне. Того требовала ситуация: донецкие “стачкомы”, например, не только выдвигали комплексные требования экономического характера, но и заявляли о необходимости проведения референдума о доверии к Президенту и предоставлении региону самостоятельности. Такого уровня институционализации и политизации забастовки в Украине еще никогда не достигали. Когда переговоры зашли в тупик, прежде всего из-за того, что имели скорее символический характер и не предполагали возможности удовлетворить политические требования бастующих, протестные акции приобрели экстремистский характер и вылились в блокады транспортных магистралей, пикетирование государственных учреждений, марш “пустых кастрюль” и т.д. Забастовочное движение начало распространяться на другие категории работающих: помимо шахтеров, транспортников, машиностроителей (всех причастных к смежным отраслям, работа которых напрямую зависит от топливных поставок) оно стало охватывать непроемкую сферу, причем более 50% забастовок приходилось на работников здравоохранения и образования — то есть категории работающих с традиционно низким уровнем заработных плат.

Однако забастовка не стала общенациональной — в силу ряда обстоятельств, и не в последнюю очередь из-за того, что политические требования главных застрельщиков забастовочного движения вызвали резко негативную реакцию представителей западных регионов, которые усмотрели в них угрозу украинской государственности. По этой же причине от поддержки идущего с Востока забастовочного движения в этот период окончательно отказались представители национальных общественно-политических организаций, прежде всего — Украинский Народный Рух¹. Если обобщить итоги забастовочного движения в этот период, то можно заметить, что акции не только не привели к реализации заявленных целей в политической сфере (это был прогнозируемый неуспех), но и закончились полным фиаско в сфере экономической: вскоре после затухания забастовки правительство снова приняло решение о повышении цен.

Впрочем, определенные достижения, имевшие колоссальное значение для развития Украины как государства, все же были — региональная элита использовала забастовки как “мощный социальный лифт” [9], позволивший им умело использовать ситуацию и получить весомые должности в центральных органах власти². Забастовки этого периода стали благоприятным фоном для осуществления раздела сфер влияния между самовыдвига-

¹ Подр. см.: *Борисов В.* Забастовки в угольной промышленности (гл. “После забастовки: борьба за референдум”).

² Например, одна из наиболее значительных фигур современного украинского политикума Ефим Звягильский в свое время руководил шахтой им. Засядько. Именно это предприятие в 1993 году начало масштабную забастовочную акцию. Примерно за два месяца до забастовки Звягильский был избран мэром Донецка. На четвертый день забастовки он был назначен первым вице-премьером правительства, а еще через некоторое время принял на себя обязанности премьер-министра Украины. Став премьером, Звягильский всячески содействовал тому, чтобы потенциал наиболее перспективных лидеров, активно проявивших себя в ходе забастовочных акций 1993 года, был задействован на других, более конструктивных для государственного управления поприщах — в частности, в органах исполнительной власти.

ющимися представителями новой политической элиты независимой Украины.

Период кратковременных всплесков: 1995–1997. После 1994 года, несмотря на периодически наблюдавшиеся всплески протестных акций, накал забастовочной активности в целом пошел на убыль. Напомним, что именно в 1994 году, после победы Л.Кучмы на президентских выборах, в правительстве усилились позиции днепропетровской “команды”, которая, в отличие от представителей донецкой региональной элиты, постаралась уверенной рукой прекратить практику выделения госдотаций для угольной отрасли, предприятия которой в предшествующие годы выступали как инициаторы самых резонансных забастовочных акций, и начать процесс реструктуризации угольной промышленности. Массовое закрытие убыточных предприятий, основная часть которых принадлежала угледобывающей отрасли, и резкое ухудшение жизнеобеспечения, последовавшее за принятием Указа Президента Украины об отнесении заработной платы к разряду непервоочередных выплат, с одной стороны, и повышением цен на жилищно-коммунальные услуги — с другой, дали толчок для нового всплеска забастовочной активности. Однако эти забастовки были скорее стихийным выражением отчаяния, чем формой организованной борьбы отрасли за выживание. Следует отметить, что именно в этот период начал практиковаться новый подход к урегулированию забастовочного конфликта (нередко предполагавший привлечение органов правопорядка), когда акция объявлялась незаконной и ее участникам могло грозить увольнение или даже арест. Когда реальные судебные разбирательства относительно инициаторов забастовок участились, боязнь личной ответственности стала для многих мощным антистимулом к участию в акциях протеста.

В.Борисов совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечает, что с начала развития забастовочного движения постепенно изменился “получатель” результатов акций протестов: если в первые годы движения и вплоть до 1994 года шахтеры выступали от имени всего общества, а позже — от региона или отрасли, то начиная с 1995-го прослеживалась четкая тенденция к децентрализации и фрагментации протестов, когда бастующие коллективы выбивали лучшие условия только для себя [9]. Процесс сужения субъективного поля солидаризации объяснялся рядом объективных причин, связанных с реорганизацией традиционных секторов экономики, пересмотром принципов управления предприятиями и изменением формата отношений между государством, работодателем и наемным работником. В условиях закрытия предприятий для работников узкопрофильных специальностей угроза увольнения практически безотказно действует как сдерживающий фактор: задержка выплат для многих не так страшна, как угроза безработицы и риски, связанные с последующим трудоустройством.

Несмотря на довольно значительную частоту выступлений в отдельные годы (особенно в 1996-м и 1997-м), продолжительность забастовок и число вовлеченных в конфликт в этот период стали снижаться. Можно утверждать, что забастовки теперь все реже достигали масштаба, позволяющего использовать их как фактор в борьбе за власть, как толчок для значительных трансформаций в экономической и социально-политической сферах. Очевидно, что забастовки постепенно деполитизировались и свелись к выяснению отношений между группой работников (но не выразителями опреде-

ленной социальной или профессиональной группы!) и работодателем. Солидарность перестала быть связующей силой забастовки, четко артикулированные требования бастующих перестали выходить за рамки “базовых”, то есть касающихся улучшения условий труда (прежде всего, зарплаты и нормированности труда) на конкретном предприятии. В выступлениях этого периода на фоне изменившегося социально-политического и экономического контекста потенциально заинтересованные “третьи стороны” все реже были способны перенаправить “размытую” часть требований (то, что можно охарактеризовать, как общее недовольство ситуацией, без конкретизации требований и адресата) из русла трудового конфликта в более широкую сферу, что было чревато изменением баланса сил в обществе.

Период затишья: 1999–2006. Этот период характеризовался резким сокращением числа забастовок, снижением их массовости и продолжительности, чему способствовал целый ряд факторов. Безусловно, один из них — уже отмеченное сужение государственных секторов экономики, традиционно предрасположенных к забастовкам, и увеличение числа предприятий негосударственных форм собственности, где успешные стратегии ведения переговорного процесса об условиях труда между наемными работниками и работодателями имеют сложную структуру, которой в наименьшей степени соответствует бескомпромиссное давление на администрацию. Другой важный фактор падения популярности забастовки как метода борьбы — это структурные изменения внутреннего состава рабочего класса [10, с. 26–37], обостряющие значимые различия в социальном и материальном статусе рабочих и препятствующие солидаризации, необходимой для участия в протестной акции. Отметим также, что на снижение протестной активности работающего населения с 2000-го до начала 2005 года определенным образом повлияла некоторая стабилизация социально-экономической ситуации в Украине: в этот период в стране сократился уровень безработицы и снизилась задолженность по заработной плате. В период с 2002-го по 2004 год наметилась тенденция смещения “ареала” забастовок с Востока¹ на Запад Украины и изменения субъекта протеста: инициаторами забастовочных акций в этот период выступали преимущественно работники социальной сферы (образования и здравоохранения) в западных областях Украины. Следует учесть, однако, что профсоюзы² организаций бюджетной сферы, как правило, отличает стремление не доводить конфликт до крайних форм — никто не ожидает, что педагоги и учителя прибегнут к экстремистским формам защиты своих прав и составят политическую угрозу для правительства, поэтому подобные акции обычно непродолжительны и малоэффективны.

¹ Заслуживает внимания тот факт, что в 2002 и 2004 годах в Донецкой области, регионе традиционно предрасположенном к забастовкам из-за высокой концентрации предприятий угледобывающей отрасли, не было ни одной официально зарегистрированной забастовки, хотя непродолжительные несанкционированные акции протеста все же имели место.

² Роль профсоюзов в развитии забастовочного движения — это особая тема, требующая обстоятельного анализа, выходящего за рамки нашей статьи. Отметим лишь, что в Украине профсоюзы долгое время играли в этом процессе скорее сдерживающую, нежели мобилизирующую, роль.

Результаты мониторинга, проводимого Институтом социологии НАН Украины [11, с. 39], свидетельствуют о том, что протестный потенциал населения, претерпев некоторые колебания в сторону снижения, в 2005-ом снова вышел на уровень 1998 года (см. рис. 2). Одновременно доля тех, кто предпочел бы не принимать участия в акциях протеста в защиту своих прав с 1998-го в целом имеет тенденцию к увеличению. Результаты мониторингового социологического исследования “Базовая защищенность населения Украины”¹, которое проводится в Украине начиная с 2000 года, дают возможность выявить на уровне вербальных оценок наиболее приемлемые для работающего населения Украины методы защиты своих социально-трудовых прав [12]. Анализ данных позволяет утверждать, что на протяжении этого периода предпочтения в выборе методов защиты прав — в случае систематического нарушения их со стороны работодателя — практически не меняются. Например, при невыплатах заработной платы приоритетным правозащитным методом (подчеркнем — на уровне вербальных оценок) остается обращение к судам (от 39% до 44% опрошенных выбрали бы этот метод), хотя по данным статистики² число реальных обращений к судам из года в год сокращается³. Значительная часть населения (от 1% до 25%) вообще не может четко определить свои правозащитные стратегии. Количество тех, кто считает для себя возможным участие в забастовках, остается незначительным, при этом относительно большее число опрошенных прибегли бы к этой форме протеста в случае подорожания товаров народного потребления и повышения стоимости транспортных услуг, но не при ухудшении условий труда (см. табл.). Отметим, что при этом наблюдается незначительная региональная дифференциация при выборе забастовки как правозащитного метода: например, в случае невыплаты заработной платы относительно бóльшую готовность к участию в забастовке выразили жители Волынской и Ривненской (до 8%), Донецкой (до 7%), Львовской, Днепропетровской и Кировоградской (до 6%) областей (средний показатель по Украине — 4%).

1 Мониторинговое социологическое исследование “Базовая защищенность населения Украины” (N = 6400 человек) проводилось в рамках международного мониторинга целевой программы Международной организации труда (МОТ) при участии Госкомстата Украины в 2000, 2002, 2003, 2004 и 2006 годах (технический проект МОТ, ПРООН и Госкомстат “Измерение бедности: разработка индикаторов социально-экономической защищенности населения Украины”). Инструментарий исследования включал вопросы, позволяющие выявить предпочтения населения в выборе основных правозащитных методов в случае нарушений трудовых (систематические невыплаты заработной платы в течение более чем 3 месяцев, несоблюдение работодателем условий безопасности труда, несправедливое увольнение коллег по работе, нарушение условий коллективного трудового договора) и социальных (повышение цен на товары народного потребления и проезд в общественном транспорте) прав.

2 Соціальні індикатори рівня життя населення: Стат. збірник / К.: Держкомстат України, 2005. — С. 221–225.

3 Эта тенденция во многом объясняется отсутствием основного регламентного документа, оговаривающего процедуру рассмотрения правонарушений в сфере труда — трудового процессуального кодекса Украины (ТПК). Пока документ не принят, и специализированные трудовые суды отсутствуют, ответственность работодателя при наличии нарушений законодательных прав и гарантий работающих остается низкой, механизм внедрения судебных решений часто оказывается неэффективным.

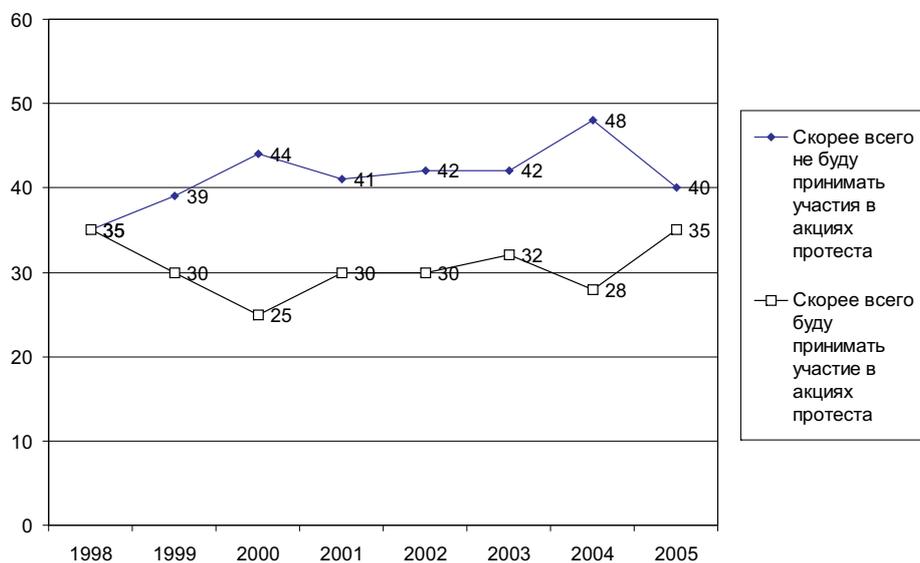

Рис. 2. Готовность граждан Украины к участию в акциях протеста в защиту своих прав в 1998–2005 годах, %

Таблица

**Выбор забастовки как правозащитного метода
в случае нарушения социальных и трудовых прав, N = 6400, %**

Нарушения прав	2000	2002	2003	2004	2006
Подорожание продовольственных или других товаров	–	7	7	6	6
Повышение стоимости проезда в общественном транспорте	–	6	7	5	6
Регулярные отключения электро-, водо-, теплоснабжения	7	4	5	3	4
Невыплата зарплаты более 3 месяцев	–	4	4	3	4
Нарушение работодателем условий безопасности труда	–	2	3	2	3
Несправедливое увольнение коллег по работе	–	2	3	2	3
Нарушение трудового договора	3	2	2	1	2

**Есть ли будущее у забастовочного движения в Украине?
Вместо заключения**

В качестве специфической характеристики трудовых отношений в постсоветском пространстве многие исследователи отмечают то, что протестные акции не приводят к системному разрешению конфликта, из-за которого формально начинается спор. Забастовка часто выступает как средство лоббирования, однако, если судить по итогам акций, оно в наименьшей

степени ориентировано на соблюдение интересов рядовых рабочих, которые формально начинают выступление. Чтобы решиться участвовать в акции, которая, как показывает практика, не приводит к успеху, нужно иметь дополнительную мотивацию. В этих условиях функциональная роль забастовки как конфликта (собственно то, зачем она организована и на решение каких задач она направлена) определяется не только и не столько готовностью некой солидаризированной группы к отстаиванию своих нарушенных интересов, сколько участием в акции заинтересованной “третьей силы”, в роли которой могут выступать бюрократические, политические и общественные структуры разных уровней. Потенциально забастовка (как временная радикальная форма взаимоотношений между работником и работодателем) может играть важную роль для развития системы трудовых отношений. А опыт забастовок конца 1980-х — первой половины 1990-х годов свидетельствует о том, что при наличии грамотных переговорщиков и посредников забастовка как форма коллективного действия не только имеет огромный потенциал для развития производственных отношений, но и может выступать катализатором трансформаций в обществе. Однако в последние годы потенциал забастовочного движения ослаб — не в последнюю очередь из-за того, что потенциально сильные посредники временно утратили заинтересованность в нем как в средстве лоббирования своих интересов.

Фактически, за последние годы рабочие продемонстрировали нисходящую социальную мобильность. Оставив позицию класса-гегемона, определенную им в свое время классиками марксизма-ленинизма, они снова стали эксплуатируемым классом [2, с. 5, 6], причем эксплуатация часто воспринимается рабочими не как пережиток, с которым необходимо бороться, но как неизбежная издержка новой системы управления на производстве (работники предприятий, имеющих репутацию надежного работодателя, нередко даже выдвигают “оправдательные” основания такой эксплуатации). По мнению В.Ядова, современные “солидаристские рефлексии находятся под воздействием не только тех социальных структур, которые уже сложились или формируются, но и тех, которые запечатлелись в памяти и актуальном сознании субъектов” [2, с. 13]. В этом контексте можно было бы говорить о проявлении некоего “коллективного бессознательного”¹ в условиях новой системы социально-трудовых отношений, когда в “переходных” моделях солидарного сознания и солидарного действия проявляются рудименты коллективной памяти (в данном случае очевидны проявления самоидентификации себя как зависимого класса).

А.Согомонов, анализируя новые модели солидарности в эпоху “высокой модернизации”, выдвигает изящную концепцию социальной трансформации современности, когда человек освобождается от привязанности к социальным идентичностям “в стиле уходящей эпохи” [2, с. 177]. При этом бросается в глаза парадокс нашего времени, заключающийся в том, что но-

¹ Любопытно, что в своем альтернативном словаре “Кто и как создавал науку о природе и обществе” Е.Головаха, определяя открытие Юнга в ироничном афоризме, пишет, что этот ученый обнаружил, “что бессознательные состояния характерны не только для больных индивидуумов, но и для здоровых коллективов” (см.: *Головаха Е.* Кто и как создавал науку о природе и обществе: альтернативный словарь // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2006. — № 2. — С. 200).

вый самодостаточный индивид, способный к принятию решений и конструирующий свою “рефлексивную биографию”, не нуждаясь в солидаризации с другими, соседствует с тем, кто даже не догадывается, что старая эпоха ушла, и безропотно наблюдает за возрастанием значимости социальных норм индустриального общества и, не в последнюю очередь, усиливающимся классовым неравенством, каждый день ощущая их проявления на себе. Встречаются ли эти персонажи в одном социальном поле или существуют в параллельных реальностях?

Литература

1. *Hуman R.* Strikes. — L., 1984.
2. Солидаризация в рабочей среде: социальное и индивидуальное / Под ред. В.Ядова. — М., 1998.
3. Забастовки 1989–1993 гг. в России (социологический аспект) / Под ред. А.Зайцева. — Калуга, 1996.
4. *Симончук Е.* Рабочий класс в Украине: тренды рекомпозиции структуры // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2006. — № 2. — С.38–65.
5. *Саржан А.* Социально-экономические и политические процессы в Донбассе (1945–1998). — Донецк, 1998.
6. *Костюковский В.* Кузбасс: жаркое лето 1989-го. — М., 1990.
7. *Головаха Е., Панина Н.* Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества: от перестройки до “оранжевой революции” // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2006. — № 3. — С. 32–51.
8. *Mykhnenko V.* State, Society and Protest under Post-communism: Ukrainian Miners and their Defeat // *Uncivil Society? Contentious Politics in Post-communist Europe* / Ed. by P.Корецьку, С.Муддле. — L.; N.Y., 2003. — P. 93–113.
9. *Борисов В.* Забастовки в угольной промышленности. — <http://www.isito.ru/library/Books/borisov/10.html>.
10. *Симончук О.* Робітничий клас: динаміка структури, самооцінок, орієнтацій // Українське суспільство (1994–2004). Моніторинг соціальних змін. — К., 2004. — С. 26–37.
11. *Панина Н.* Українське суспільство 1994–2005: соціологічний моніторинг. — К., 2005.
12. Інформаційне забезпечення державного та регіонального соціального управління. — К.; Донецьк, 2004.